

Роберт Джонс

П
Р
Р
К
И

INSPIRIA

Москва
2022

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
Д42

Robert Jones, Jr.

THE PROPHETS

Copyright © 2021 by Robert Jones, Jr.
All rights reserved.

Перевод с английского *Виктории Кульницкой*

Художественное оформление *Натальи Каиштыкиной*

В оформлении переплета и суперобложки
использованы иллюстрации:

© Inspiring, Hein Nouwens, Magic Panda / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Джонс-младший, Роберт.

Д42 Пророки / Роберт Джонс-младший ; [перевод с английского В. Кульницкой]. — Москва : Эксмо, 2022. — 416 с.

ISBN 978-5-04-159202-8

Дебютный роман известного американского блогера, получивший Пулитцеровскую премию, заставляет вспомнить романы Тони Моррисон и Джеймса Болдуина. Это рассказанная голосами самых разных душ история о двух чернокожих рабах — Исае и Самуэле, которые находят защиту от жестокости жизни в любви друг к другу.

Реальность здесь граничит с магией, добро с чудовищной жестокостью.

Но от их любви исходит сияние, рядом с ним граница миров стирается, и даже те, кто не понимал их, увидели этот свет и поняли, что перед ними не обычные люди, а пророки.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-159202-8

© Кульницкая В., перевод на русский язык, 2022
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2022

*Моим бабушкам Коррин и Руби,
дедушкам Альфреду и Джорджу,
двоюродным дедушкам Мильтону,
Чарльзу, Цефасу и Герберту,
моему отцу Роберту, кузенам Тревору,
Трейси и Дейшону,
крестным Делорес Марии и Дэниэлу Ли,
Матушке Моррисон и Отцу Болдуину,
а также всем моим родичам,
которые уже покинули этот мир,
ушли в земли прародителей и оттуда
направляют и защищают меня, нашептывая,
что и я могу поделиться своим свидетельством*

КНИГА СУДЕЙ

Вы нас еще не знаете.

И ничего пока не понимаете.

Из тьмы говорим мы с вами семью голосами. Потому что семь — единственное священное число. Потому что это то, кто мы есть и кем всегда были.

Таков закон.

К концу вы поймете. И спросите, почему мы не рассказали раньше. Думаете, вы первые, кто задает этот вопрос?

Нет, не первые.

Однако ответ на него есть. Ответ всегда есть. Но вы его пока не заслужили. Вы еще сами не знаете, кто вы. Так как же вам понять нас?

Вы не сбились с пути, нет, но были обмануты глупцами, принявшими мишурный блеск за силу. Они сами отдали все символы власти. И долго будут за это каяться. К тому времени, как разум возобладает, ваша кровь давно уже будет разбавлена. Или сам мир обратится в прах, и память станет излишней. Но с вами обошлись дурно. И вы будете поступать дурно. Снова и снова. Пока наконец не проснетесь. Вот почему мы здесь, вот почему говорим с вами.

Начинается история.

Ваша история.

В ней заключен весь смысл вашего бытия. Пребывания здесь (или там). Вы явились в мир свободными. И при-
ответствовали вас те, кто знал, что ни землей, ни людьми

8 Роберт Джонс-младший

владеть нельзя. Они делились с вами пищей, искусством и целью. Наш долг — поведать вам правду. Но поскольку правды вам никогда не говорили, вы примете ее за ложь. Ложь нежнее правды, и обнимает она обеими руками. Вырвать вас из ее рук — вот наше наказание.

Да, мы тоже наказаны. Никто этого не избежал. Потому что невинных нет. Мы уже поняли, что невинность и есть самое страшное злодеяние. То, что отделяет живых от мертвых.

Что-что?

Как вы сказали?

Ха-ха-ха.

Простите, что смеемся.

Вы думали, что это вы живые, а мы мертвые?

Ха-ха-ха.

КНИГА ПРИТЧЕЙ

Стоя во тьме, на коленях, я обращаюсь к ним.

А что они отвечают, не всегда и поймешь. Давненько уж отошли от мира, да и говорят все больше словами древними, которые из меня почти повыбили. Еще и шепотом, где уж тут разобрать. Может, конечно, это и не шепот вовсе, а крик, просто так далеко они, что мне почти не слышно. Кто знает?

Так иль не так, а я копаю ямку, где они приказали, и зарываю блестящий морской камушек, как они научили. Но, видать, что-то делаю неправильно, потому что масса Джейкоб все равно тебя продает, хоть и сказал, что я вроде как тоже часть их семьи. Неужто тубабы так поступают со своей родней? Вырывают детей из материнских рук и сваливают в повозку, как спелые овощи? Уж как я умоляла его. Прямо на глазах у того, кого единственного за всю жизнь и любила. Он теперь и смотреть

на меня не может. А мне оттого все кажется, что это я плохо поступила, а не они.

Я спрашиваю их о тебе, те древние темные голоса. А они говорят, я должна тобой гордиться. Говорят, ты вот-вот станешь мужчиной. Говорят, в тебе много наших заключено, только ты пока этого не знаешь. А еще говорят, скорый ты, может, даже чересчур. Прямо не верится, что ты все еще жив. Я их спрашиваю: «Может, передадите ему весточку, а? Скажите, мол, она помнит каждый завиток на его головке, каждую складочку на теле, даже между пальцами ножек. Скажите, мол, этого из нее и хлыстом не выбить». Но они не отвечают. Сказали только, что ты теперь на Миссисипи, в краю, где все целое раскалывается надвое. Сама не знаю зачем. Нешто любо матери слышать, что ее ненаглядное дитяtko разорвут пополам, да безо всякой причины? Наверное, оно и без разницы. Всех нас ни мытьем, так катаньем заставят платить.

С тех пор, как тебя забрали, Эфраим со мной и словом не перемолвился. Ни единого словечка за все время не сказал. Только представь! Губы-то у него шевелятся, но будь я проклята, если хоть один звук вырывается из глотки. Как же мне порой хочется назвать тебя по имени. Тем, настоящим, которое мы тебе дали, а не мерзким, которым масса тебя наградил, а мы прикинулись, что так и нужно. Все думаю, может, коль произнесу его имя, Эфраим ко мне вернется? А потом гляжу, как он опускает голову, словно шею сдавила невидимая петля, и не смею. Вдруг как назову твое имя, так он и вовсе от меня отвернется.

«Можно мне его увидеть? — все спрашиваю тьму. — Или хоть Эфраиму? Мы его не тронем даже. Только глянем, убедимся, что он наш по-прежнему, пусть и далеко теперь». А они говорят, Эфраим в зеркало посмотрит и уж тебя увидит. «А я как же?» — спрашиваю. А они от-

вечают, загляни, мол, Эфраиму в глаза, вот и увидишь. «Дак как же мне в них заглянуть, когда он на меня больше и смотреть не желает?» — спрашиваю. А в ответ лишь ветер свистит в деревьях да стрекочут в траве жучки.

Ты любишь свой народ. Ты его часть. Тем я и утешаюсь, тем и заполняю пустоту внутри. А она там все кружится, кружится, как светляки в ночи. А потом замирает, будто вода в колодце. То пусто, то полно. То полно, то пусто. И пусто, и полно сразу. Так оно, должно быть, бывает, когда смерть за тобой приходит.

Без толку. Без толку взывать к людям, которые тебя не услышат. Без толку плакать перед теми, кому невдомек твоя боль. Муки твои для них лишь мерило того, что они смогут на них выстроить. Я тут никто. И никогда никем не буду.

На что он тебя продал? Чтобы сберечь эту гнилую землю, где дух ломается и разум истекает кровью? Так я вот что скажу — недолго еще так будет. Не-е, сэр. Представь, что покинули мы с Эфраимом это место. Не ушли, просто покинули. Все одно, что свинью зарезать. Отточенным лезвием по глотке — и конец.

А после и мы станем голосами, нашептывающими людям из тьмы, как выживают их выброшенные в мир чада.

Детка ты моя бедная!

Чуешь ли ты меня?

Это мы, Анна Средняя и Эфраим. Твои мамаша и папаша, Кайоде. До чего ж мы по тебе стосковались.

ПСАЛМЫ

Июль так и норовил их убить.

Сначала сжечь заживо. Потом задуть. А убедившись, что ни то ни другое не сработало, сделал воздух плотным, как вода, в надежде, что они утонут. Но ничего не вышло. Они только взмокли от пота и обозлились —

на всех вокруг и друг на друга тоже. На Миссисипи солнце умеет пробираться и в тень, так что в иные дни даже под деревьями не найдешь прохлады.

Зато в такую жару совсем не тянуло к людям, а значит, и тоску по ним снести было легче. Раньше Самуэль с Исайей любили побыть в компании, но это было до того, как народ против них ополчился. Поначалу им казалось, что все поджимают губы, смотрят косо, морщат носы и качают головами просто потому, что от них воняет хлебом. А ведь они каждый день, перед самым закатом, уходили к реке, раздевались догола и чуть не час плескались в воде. Терлись листьями мяты, можжевельником и кореньями, пока остальные, вымотавшись в поле, разбредались по хижинам в поисках неуловимого покоя.

Но как бы тщательно Эти Двое ни мылись, люди, завидя их, продолжали цыкать зубом. И в конце концов они усвоили, что лучше просто держаться ото всех подальше. Не то чтобы стали вести себя неприветливо, нет, просто без особой нужды из хлева, ставшего им надежным убежищем, не показывались.

Прогудел рожок, возвещая конец работе. И солгал, как всегда, ведь работа никогда не заканчивалась — лишь останавливалась ненадолго. Самуэль поставил на землю ведро с водой, отступил на пару шагов и окинул хлев взглядом. Покрасить бы его не мешало, красная краска уже облупилась, да и белая тоже. «Вот и славно, — подумал он. — Пускай будет неприглядным, как истина». Не будет он ничего делать, пока Галифаксы прямо не прикажут.

Отойдя чуть вправо, Самуэль посмотрел на деревья, стеной вставшие на противоположном берегу бегущей за хлебом реки. Солнце уже потускнело и вот-вот готово было нырнуть в чашу леса. Обернувшись влево, туда, где белело поле, он разглядел силуэты людей с тюками

хлопка на головах и спинах. Они брели к стоящим в отдалении повозкам и сбрасывали в них свою ношу. А по сторонам этого человеческого ручейка стояли Джеймс, старший надсмотрщик, и его подручные. Сам Джеймс взвалил ружье на плечо, другие же направляли стволы на работников, в любую минуту готовые выстрелить. Самуэль вдруг задумался, удалось бы ему побороть Джеймса? Тубаб, конечно, тяжелее его, да к тому же вооружен, но сойдись они в честном бою — как полагается, кулак на кулак, сердце на сердце — и Самуэль, наверное, смог бы его сломить. Пусть не как веточку, но как мужчину, чей конец уже не за горами.

— Может, подсобишь все же? — вдруг раздался рядом голос Исайи.

И Самуэль, вздрогнув от неожиданности, обернулся.

— Ты б лучше ко мне так не подкрадывался, — отозвался он, смущенный тем, что его застали врасплох.

— Да кто подкрадывается? Подошел просто. Но ты, гляжу, занят очень, в чужие дела лезешь...

— Вот еще, — фыркнул Самуэль и махнул рукой, словно отгоняя комара.

— Дак подсобишь мне загнать коней в стойла или нет?

Самуэль закатил глаза. Уж такой этот Исайя послушный. Может, даже и не послушный, но зачем отдает себя им так всецело и с такой готовностью? Самуэлю казалось, что это он от страха.

Исайя тронул его за спину и, улыбнувшись, направился к хлеву.

— Похоже на то, — прошептал Самуэль и пошел следом.

Они распрягли лошадей, напоили их, дали каждой по охапке сена, а оставшееся смели в левый передний угол, поближе к аккуратно сложенным снопам. Самуэль работал неохотно, фыркал, вздыхал и тряс головой. Исайя

же, наблюдая за ним, только посмеивался, хотя и понимал, как опасно может быть такое настроение. Однако утешение здесь приносили даже мельчайшие проявления непокорства.

Когда они закончили работу, уже стемнело и на небе показались звезды. Исайя снова вышел на улицу, оставив Самуэля беситься в одиночестве. Вот он какой, его личный бунт, — стоять, прислонившись к обрамляющему хлев деревянному забору, и смотреть вверх. «Ишь, столпились», — пробормотал он, разглядывая звезды. И задумался: что, если небу тяжело от такого изобилия? Что, если усталая ночь однажды стряхнет их с себя и все вокруг поглотит тьма?

Самуэль похлопал Исайю по плечу, пробуждая его от грез.

— Ну и кто из нас теперь лезет не в свое дело?

— Будто у неба есть дела, — ухмыльнулся Исайя. — К тому же я-то свою работу уже закончил.

— Ишь какой славный раб. — Самуэль ткнул Исайю пальцем в живот.

Тот рассмеялся, отошел от изгороди и направился обратно к хлеву. У самых дверей остановился, подобрал с земли несколько камешков, швырнул в Самуэля и с криком «Ха!» скрылся внутри.

— Мазила! — выкрикнул тот в ответ и припустил за ним.

Парни принялись носиться по хлеву. Самуэль все силился поймать Исайю, но тот каждый раз с хохотом уверчивался. Наконец Самуэль с разбегу напрыгнул ему на спину, и оба ничком повалились в свежее сено. Исайя ерзал под Самуэлем, пытаясь высвободиться, но смех совсем лишил его сил. Самуэлю только и оставалось, что повторять: «Ага, как же» — и улыбаться ему в затылок. Позади шумно дышали и фыркали кони. Похрюкивала

свинья. Коровы звуков не издавали, лишь переступали ногами, позвякивая колокольчиками на шеях.

Они поборолись еще немного, но вскоре Исаяя сдался, и Самуэль ослабил хватку. Тогда они перевернулись на спины и увидели прореху в крыше, сквозь которую лился бледный лунный свет. Обнаженные груди их тяжело вздымались, с губ срывалось хриплое дыхание. Исаяя вскинул руку, словно пытаясь заслонить ладонью мягкое свечение, но то все равно просочилось между пальцами.

— Надо бы кому-то из нас крышу подлатать, — сказал он.

— Попустись уже. Хоть сейчас не забивай себе башку работой, — бросил Самуэль жестче, чем собирался.

Исаяя обернулся к нему. Проследил взглядом очертания профиля: выдающиеся вперед пухлые губы, короткий широкий нос, торчащие во все стороны спутанные вихры. Потом перевел взгляд ниже, на влажную от пота грудь Самуэля, которую лунный свет облил серебристой краской. Исаяя как замороженный следил, как она вздымается и опадает.

Самуэль ответил ему таким же нежным взглядом. Исаяя улыбнулся. Ему нравилось наблюдать, как Самуэль дышит, приоткрыв рот, как поджимается его нижняя губа, а язык прячется за щеку, придавая ему шкодливый вид.

— Умаялся? — спросил он, тронув Самуэля за руку.

— Да вроде должен бы. А как будто и не.

Исаяя подкатился ближе и прижался к нему. Кожа в том месте, где соприкоснулись их плечи, тут же взмокла. Шершавая ступня задела другую. Самуэля невесть почему бросило в дрожь, и он тут же рассердился на себя за такую открытость. Но Исаяя его злости не разглядел, напротив, ему показалось, что Самуэль так и манит его к себе. Приподнявшись, он забрался на него верхом —

Самуэль дернулся, затем расслабился. Исайя медленно, нежно обвел языком его сосок, и тот ожил у него во рту. С губ обоих сорвались хриплые стоны.

Как не похоже все это было на их первый поцелуй. Когда это случилось? Сезонов шестнадцать назад или больше? Временами года считать было проще, чем лунами, ведь та порой тоже проявляла строптивый нрав и не показывалась на глаза. Исайя точно помнил, что в ту пору, когда они впервые замерли на нетвердых ногах, не смея от стыда поднять друг на друга глаза, яблоки висели на деревьях крупные и алые, как никогда. Сейчас он наклонился и припал губами к губам Самуэля. Тот лишь слегка отпрянул. С каждым поцелуем он становился податливее. Схватка, во время которой ему так хотелось придушить не то Исайю, не то самого себя, была позади, наступило перемирие. Напоминанием о ней остались лишь беспокойные искорки в уголках глаз и легкая горчинка в горле. Но и их вскоре вытеснило другое.

Они даже не дали друг другу раздеться до конца. Штаны Исайи застряли где-то в районе колен, Самуэль — болтались на щиколотках. Сгорая от нетерпения, они сплелись в стоге сена, яростно толкаясь друг в друга, и бледный свет луны освещал лишь подошвы Самуэля и темные бедра Исайи.

Наконец, оторвавшись друг от друга, они скатились с сена и распластались на земле в полной темноте. Страстно хотелось дойти до реки и выкупаться, но оба так вымотались, что двигаться было неохота. И они молча сошлись на том, что лучше полежат еще, по крайней мере, пока не выровняется дыхание и не утихнут спазмы, сотрясающие тело.

В темноте было слышно, как переминаются с ноги на ногу животные и как люди в близлежащих хижинах не то